

М. А. Голендухина
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

Житийный образ протопopa Аввакума в стихотворных переложениях XIX–XX вв. (Д. Мережковский, М. Волошин, А. Несмелый)¹

Отношение к старообрядчеству со времен церковного раскола XVII в. было непростым, а подчас даже враждебным. Однако публикация в 1861 г. созданного за два века до того «Жития протопopa Аввакума, им самим написанного» вызвала небывалый прежде интерес со стороны историков и литераторов к феномену раскола и личности идеолога староверия. Литературный талант протопopa Аввакума был высоко оценен писателями XIX и XX вв., а его автоагиография и многогранность образа ее центрального героя послужили основой для ряда стихотворных переложений этого выдающегося памятника древнерусской литературы. В данной статье мы обратимся к трем поэмам — стихотворным переложениям и переработкам жития, созданным Д. С. Мережковским, М. Волошиным и А. Несмеловым².

Д. С. Мережковский, поэма «Протопop Аввакум» (1887). Первым по времени создания стихотворным переложением является поэма Д. С. Мережковского. Из текста оригинального жития — многоаспектного и включающего различные

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Ларисы Степановны Соболевой.

² Ранее эти произведения рассматривались в работе А. И. Мазунина: [Мазунин]. К тексту жития и образу протопopa Аввакума неоднократно обращались и писатели середины — второй половины XX в. В частности, А. Толстой в «Рассказах Ивана Сударева», Ю. Нагибин в исторической повести «Огненный протопop», В. Пикуль в исторической миниатюре «Аввакум в печи огненной».

тематические линии — Мережковский отбирает сцены, преимущественно раскрывающие тему страдания и смирения протопопы. Наиболее интересной гранью сложного и многопланового образа Аввакума для него оказывается смиренное послушничество и мученичество за веру Христову. Этим, как известно, личность героя жития не исчерпывалась: по своей натуре Аввакум — упорный борец за «древнее благочестие», спаситель Руси от «Антихриста-Никона». Для Мережковского было важно концептуализировать в своем произведении культ всепобеждающей христианской любви; отношение к другому как к брату становится основой переживания лирического субъекта поэмы в свете наступающего кризиса, приведшего к утрате человеческого взаимопонимания. Именно потому поэт отходит от оригинального текста XVII в.; так, в сцене, где протопопу, заточенному в Андроньевом монастыре, является Ангел, у него является сам Христос: «И шептал я, как безумный: “Дай мне муки претерпеть, / Свет-Христос, родной, желанный, — за тебя бы умереть!..”» [Мережковский]³. И в этой сцене, и дальнейшем тексте поэмы смысловым концептом выступает *братская любовь*: «...И руки прикосновеенье братски нежно и тепло»; о юродивом Кирилле: «Я печальный голос брата до сих пор забыть не мог...»; о сокрытом им преступнике: «Я забыл, что он преступник, я хотел его поднять / И как брату, кто б он ни был, слово доброе сказать»; о церковном расколе: «Вижу — льется кровь невинных, брат на брата восстает».

Призыв к братской любви соединяется с христоцентризмом Аввакума. Фраза «За Христа — в огонь и пытку!» открывает первую главу поэмы — и тем же, по сути, призывом, звучащим из уст героя перед сожжением, поэма завершается:

Вы простите, не сердитесь, — все мы братья о Христе:
И за всех нас, злых и добрых, умирал Он на кресте.
Так возлюбим же друг друга, — вот последний мой завет:
Всё в любви — закон и вера... Выше заповеди нет.

В этом образ Аввакума значительно отличается от своего житийного оригинала, где любовь героя распространяется на

³ Далее поэма Д. С. Мережковского цитируется по данному источнику.

сподвижников, но оборачивается яростным противостоянием прониконовской партии.

Герой поэмы Мережковского чувствителен и даже поэтичен: находясь в заточении, он отмечает мельчайшие явления природного мира — в его воспоминаниях «паутина сеткой радужной горит», а на заре «крик касаток беззаботен и счастлив». В романтическом ключе изображаются и молодые годы протопопа: «Был и я когда-то молод; да, и мне хотелось жить, / Как и всем, хотелось счастья, сердце жаждало любить». В сюжете жития эти признания героя о себе-юноше включены в эпизод воспоминания о «дочери послушной» Анне: когда девушка пришла к нему на исповедь, Аввакум «похотью любовной возгорелся», но затушил назревающую страсть, подержав руку в пламени свечи. Характерно, что Аввакум как автор и герой жития никогда не акцентировал внимания на своей чувственной природе, и даже упомянутый эпизод служил для него прежде всего иллюстрацией к теме преодоления искушения. Мережковский же изображает героя, подверженного слабостям, подчас робкого в своих мыслях, смиренного и покорного, что является совершенно противоположным образом к отмеченному в свое время М. Горьким образу Аввакума как героя-борца (см.: [Горький, с. 166]).

Поэма состоит из XII глав, и лишь в конце последней Мережковский совершает попытку хотя бы отчасти соотнести созданный им образ героя с житийным Аввакумом, изображая готовность протопопа к борьбе с никонианами: «Встал я мощный и готовый на последний грозный бой. / Где ж они, враги Господни, жажду битвы я святой».

Взгляды Д. С. Мережковского наложили значительный отпечаток на его трактовку фигуры протопопа Аввакума. В его поэме Аввакум предстает верным последователем традиционного православного учения, с достоинством, безропотно переносящим все муки и лишения, требуемые от подвижника в доказательство верности Христу. Именно братская любовь, заповедованная Христом, должна была стать той силой, что способна сокрушить Никона и его реформы.

Максимилиан Волошин, поэма «Протопоп Аввакум» (1918). Если говорить о наиболее близком к оригинальному тексту жития стихотворном переложении, то таковым является лишь

поэма М. Волошина «Протопоп Аввакум». Написанная верлибром, она реализует возможности стилизации «живого» языка Аввакума.

Поэма состоит из 15 глав, последняя строка предшествующей главы начинается следующей. В отличие от Мережковского и Несмелова, Волошин включает в свое произведение практически все эпизоды «Жития протопопа Аввакума...», при этом некоторые фрагменты повествования Аввакума передаются в поэме без изменений и сохраняют исходную ритмическую организацию; например: «отец мой прилежащее пития хмельного, / матери — постница, молитвенница бысть» [Волошин]⁴.

Помимо текста жития Волошин привлекает тексты челобитных Аввакума государю Алексею Михайловичу. Двенадцатая глава полностью посвящена посланию Аввакума к царю. Однако многое здесь оказывается домысленным автором переложения, который руководствовался стремлением сблизить образ Аввакума с личностью своего современника — анархиста М. А. Бакунина. Об этом свидетельствует письмо Волошина к А. Петровой от 9 января 1918 г.: «Меня волнует то лицо, которое я чувствую все время за Аввакумом. Это — Бакунин. Я чувствую их органическую связь, но совершенно не знаю, как ее выявить и передать, настолько они исторически сейчас далеки для общего представления. Между тем они выражают собой основную черту русской истории: христианский анархизм» (цит. по: [Куприянов, с. 192]).

Аввакум в интерпретации Волошина предстает небесным жителем, посланным на землю сокрушить Никона:

Отец рече Сынови:
 — Сотворим человека
 По образу и по подобию огня небесного... —
 И голос был ко мне:
 «Ти подобает облачиться в человека
 Тлимого,
 Плоть воспрять и по земле ходить.
 Поди: вочеловечься
 И опалай огнем!»

⁴ Далее поэма М. Волошина цитируется по данному источнику.

— читаем в начале. В какой-то мере Аввакум повторяет путь Спасителя, вочеловечившегося и пострадавшего за веру. Финальная сцена поэмы вводит тему небесного Фаворского огня и огня слова — столь характерного для русской литературы топоса. Здесь реализуется многогранная метафора огня веры, огня проповеди, огня подвига и т. п.

Святая Троица! Христос мой миленькой!
Обратно к Вам в Иерусалим небесный!
Родясь — погас,
Да снова разгорелся!

Кроме того, Волошин включает в текст поэмы и фольклорные элементы (это же мы увидим у А. Несмелова); когда ослухавшийся Еремей с войском выехал против врагов,

Лошади заржали, овцы и козы заблеяли,
Коровы заревели, собаки взвыли,
Сами иноземцы завывали, что собаки...

Алексей Несмелов, поэма «Протопопица» (Харбин, 1938–1939). Поэма А. Несмелова «Протопопица» также является творческой переработкой жития протопопа Аввакума, однако, как видно уже из ее названия, в центр повествования здесь помещен женский образ — образ жены Аввакума, Настасьи Марковны, а все эпизоды житийного сюжета, отобранные Несмеловым для своей поэмы, изображают взаимоотношения протопопа с супругой. Поэт не стремится передать житийную многогранность образа Аввакума, хотя и видит в фигуре протопопа «человека нестигаемого характера и сильной воли, талантливое писателя и умную, смелую личность» [Мазунин, с. 410].

Поэма начинается со ссылки Аввакума и его семьи в годы начальствования Афанасия Пашкова. Ни один житийный эпизод, предшествующий этим событиям, в поэме не освещается.

В поэтическом сознании Несмелова Аввакум символизирует лучшего из живших на земле, совершенное творение Бога — в противовес современникам, лишенным целостности:

Наших прадедов Бог по-иному ковал,
 Отливал без единой без трещины, —
 Видно, лучший металл он для этого брал,
 Но их целостность нам не завещана⁵ [Несмелов]⁶.

Он — человек большой судьбы, его смерть — жертва во спасение. Несмотря на то, что обличительное перо Аввакума остро, а «Что письмо — то Апостола чтение!...», Марковна полюбила его за доброту ко всему живому и незлобивость: «За уменье понять, улыбнуться светло, / Пожалеть неумемного ворога».

Несмелов также вводит в художественную канву поэмы фольклорные элементы, в частности обращается к пафосу плача как фольклорного жанра. Поскольку образ протопоба подается главным образом в ракурсе взгляда Настасьи Марковны, одно из четверостиший звучит как женский плач:

И топили его, и палили в него,
 И под угол бросали избитого,
 И сгорит протопоб в купине огневой,
 И России костер опалит его.

* * *

Ключевыми эпизодами жития Аввакума, которые включают в свои произведения все рассматриваемые нами писатели, являются описание тяжелых условий жизни в ссылке под началом воеводы Пашкова, падение протопобицы на льду Нерчи, диалог протопоба с женой о том, остаться ли ему с семьей, «связавшей его», или же «пойти обличать блудную еретическую», а также описание мученической смерти Аввакума в огне.

Характерно, что в изображении Аввакума все авторы обращаются к теме огня⁷. В русской традиции неслучайно принято называть Аввакума «огнепальным протопобом», и дело здесь не только в известном факте его биографии — сожжении в срубе. Так, у А. Несмелова эпитетом «огнеглазый» обозначается неу-

⁵ Ср. со строками из лермонтовского «Бородино»: «Да, были люди в наше время. / Не то что нынешнее племя — богатыри, не вы».

⁶ Далее поэма А. Несмелова цитируется по данному источнику.

⁷ См. подробную разработку темы огня в христианстве в сборнике статей: [Иеротопия огня...].

емность и несгибаемость Аввакума. Протопоп владеет «огневым» пером и как писатель беспощаден «для гнили и нечисти»: «Ах как жжет, как горит протопопа пера, / Повествуя из ямы про это вот».

Тема огня в поэме Мережковского представлена несколько слабее и напрямую связана с мученической смертью Аввакума на костре. Готовый на подвиг Аввакум восклицает: «За Христа — в огонь и пытку!». Образ опаляющего огня также присутствует в автохарактеристике героя: «И разжегся дух мой гневом — поднял крест я над главой...».

У Волошина же, напротив, тема огня становится ключевой для понимания образа протопопа. В его произведении Аввакум в целом — воплощение огня. Вспомним начало поэмы, где Аввакум «был, как уголь раскален», оделся собственным пеплом и был низвержен в хлябь земную, возродясь, как Феникс, из пепла. Во время чудесного видения ему корабля, который интерпретируется как символ грядущего пути мучений и испытаний, Аввакум восклицает: «Аз есмь огонь, одетый пеплом плоти, / И тело наше без души есть кал и прах». Образ корабля возникает и в финальной сцене казни Аввакума, только теперь этим кораблем становится сруб, обложенный соломой: «Корабль огненный — / На родину мне ехать». Смерть Аввакума в поэме Волошина представляется не сожжением, а самосожжением: почувствовав приближение земного конца, герой сам подпалывает сруб свечой, чтобы на «огненном корабле» вернуться на небо.

Финальная сцена поэмы представляет собой целую кладезь интерпретационных аллюзий. Аввакум, как полноправный святой обитая рядом с Господом, послан им на землю в человеческом образе опалять своим внутренним огнем — т. е. словом, подвигом, духом — Никона и его последователей (по сути, в эпоху Нового времени именно Аввакум выполняет функцию спасителя, повторяя подвиг Христа)⁸.

Как видим, три стихотворных переложения «Жития протопопа Аввакума...», написанные в разные годы и в разные

⁸ Тема небесного Иерусалима также возникает в переложении Волошина неслучайно. В предыдущих работах мы обращались к данному локусу в связи с анализом творческих и амбициозных личностных замыслов патриарха Никона (см.: [Голендухина]).

исторические периоды, совершенно различны по творческим и мировоззренческим установкам их авторов. Они представляют собой три интерпретации образа Аввакума, различие которых обусловлено не только разницей индивидуально-авторских художественных манер, но и необыкновенной многогранностью самого образа героя жития. Аввакуму удалось соединить в личности героя своей автоагиографии диаметрально противоположные стратегии поведения: послушника и бунтаря, мученика и обвинителя, любящего мужа и общественно-религиозного деятеля. Творческая интерпретация неоднозначного и ранее остававшегося без внимания литературного сочинения свидетельствует о начале переосмысления духовной силы и роли старообрядчества в истории России.

Список литературы

Волошин М. Протопоп Аввакум : поэма. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.maxvoloshin.ru/protopop/> (дата обращения: 23.09.2018).

Голендухина М.А. Пророк и отступник в Житии протопопа Аввакума: символическое прочтение исторического факта // Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии : I молодежный конвент : материалы междунар. студ. конф., 28–29 апр. 2017 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 330–333.

Горький М. Собр. соч. : в 30 т. Т. 27. М. : ГИХЛ, 1953. 590 с.

Куприянов И.Т. Судьба поэта (личность и поэзия Максимилиана Волошина). Киев : Наукова думка, 1978. 231 с.

Иеротопия огня и света в культуре византийского мира / ред-сост. А.М. Лидов. М. : Феория, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://hierotopy.ru/ru/?page_id=214 (дата обращения: 14.04.2017).

Мазунин А.И. Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 14. Л. ; М. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 408–412.

Мережковский Д.С. Протопоп Аввакум : поэма. [Электронный ресурс]. URL: <http://merezhkovsky.ru/lib/poetry/protopop-avvakum.html> (дата обращения: 18.09.2018).

Несмелов А. Протопопица. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belrussia.ru/page-id-5234.html> (дата обращения: 24.09.2018).